

Содержание:

Введение

Актуальность данного исследования. Тема «Вина и виновность» очень актуальна, так как вина является основанием привлечения лица к юридической ответственности и ее центральным принципом. Несмотря на это в законодательстве и юридической науке нет четкого общепризнанного понятия вины. Определение вины как психического отношения лица к совершенному деянию устарело, необходимо выработать иной, общеправовой подход к определению данного понятия.

В настоящее время учащаются случаи совершения преступлений. Это зависит от многих факторов, в том числе развитие компьютерных технологий, развитие рыночных отношений и т.д. Для того чтобы при раскрытии преступления виновному назначить наказание согласно основным принципам уголовного права, таким как гуманность и справедливость наказания, необходимо использовать все условия совершения преступления. Для назначения ответственности за совершение противоправного деяния необходимо учитывать не только личность виновного, но и такие критерии как отношение к преступлению и его последствиям, роль, степень вины, а также ее формы.

Вопросам вины в российском уголовном праве всегда уделялось большое внимание. Многие из них всесторонне освещены в монографической и учебной литературе. Однако до сих пор некоторые из этих вопросов представляют трудности и поэтому решаются по-разному.

Неоднозначное решение различных аспектов вины обуславливает довольно большое количество судебных ошибок.

Целью данного исследования является анализ административно-правовых форм вины и виновности в уголовном праве.

Исходя из поставленной цели исследования, необходимо выполнить **следующие задачи:**

- проанализировать понятие вины и виновности в уголовном праве;

- рассмотреть представления на проблемы вины и виновности;
- охарактеризовать принципы, характеризующие вину и виновность в уголовном праве;
- проанализировать формы вины в уголовном праве.

Объектом исследования курсовой работы выступают общественные отношения, возникающие в процессе применения к лицам, совершившим противоправное деяние, норм, определяющих форму вины и виновности лица в этом деянии.

Предмет исследования работы составляют аспекты развития института вины и виновности в российском уголовном праве, нормы уголовного права, регулирующие институт вины и виновности в уголовном праве России, действующие в настоящее время.

Методы данного исследования. При написании данной работы были использованы общие и специальные методы исследования, в частности: анализ, синтез, сравнительно-правовой, познавательный и другие.

Структура данного исследования. Приведенная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников.

Глава 1. Теоретические основы понятия и вины и виновности в уголовном праве

- 1.

Понятие вины и виновности в уголовном праве

Дореволюционная школа отечественного уголовного права отстаивала принцип субъективного вменения, придерживаясь психологической концепции вины.

По мнению Н.С. Таганцева, вменение лицу преступного деяния означает признание лица не только совершившим это деяние, но и виновным в нем, а поэтому уголовно-ответственным; без вины нет ответственности и вменения. В учении Н.С. Таганцева основное внимание уделялось разработке форм вины, а не термина «вина»[22; С.45].

В науке послереволюционного периода также не существовало четкого, общепризнанного понятия вины и понятия виновности, не были определены границы данных понятий.

В 1996 году термин «виновность» был исключен из текста правовой нормы (ст. 8 УК РФ), закрепляющей основание уголовной ответственности, но был введен в законодательное определение преступления [3].

Согласно ч. 1 ст. 14

УК РФ «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние». Данный признак не следует смешивать с понятием вины, раскрытию содержания которой в Уголовном кодексе посвящена целая глава (глава 5 УК РФ) [3].

Если бы законодатель ставил знак равенства между виновностью и виной, то он должен был после слова «виновно» написать «то есть умышленно или по неосторожности».

Термин «виновность» часто встречается в уголовно-процессуальном праве. При этом его интерпретации далеко неоднозначны: под виновностью понимают психическое отношение субъекта к содеянному, и принадлежность вины конкретному лицу, и само противоправное поведение

Делая основной акцент на установлении всех субъективных и объективных признаков преступления, а лишь на необходимость выяснения причинной связи между действием (бездействием) лица и наступившими последствиями, считается, что данный термин имеет более широкое содержание, чем уголовно-правовое понятие вины.

В УК Российской Федерации закреплено, что виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние. Российский законодатель из определения понятия преступления при определении виновности лица, его совершившего, необоснованно исключил общественную опасность деяния, что, по нашему мнению, необходимо устранить путем внесения соответствующих изменений, добавив после слова «совершившее» слова «общественно опасное» [3].

В ст. 10 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г законодатель отступил от принципа наступления юридической ответственности только при наличии вины: «преступление в классовом обществе вызывается укладом общественных отношений, в которых живет преступник. Поэтому наказание не

есть возмездие за вину, не есть искупление вины»[7; С.56].

В современной юридической науке существуют несколько концепций вины: нормативная, оценочная, психологическая, опасного состояния.

Нормативная концепция вины. Сторонники нормативного направления определяют вину как выраженную в законе конструкцию видов умысла и неосторожности. При этом не разрешаются возникающие внутренние юридико-практические противоречия. Проблема определения уголовно-правовой категории вины не ставится.

Использование понятия «противоправность» представляется более удачным, так как оно, с одной стороны, позволяет однозначно трактовать деяние как нарушающее лишь нормы права, а не иные социальные нормы, а с другой - не допускает необоснованного его применения лишь к преступлениям. Но осознание противоправности не имеет для установления вины лица самостоятельного значения, так как предполагает осведомленность лица о том, что совершаемое им деяние нарушает нормы права, а незнание закона не исключает вину и не является основанием для освобождения от юридической ответственности.

Несмотря на разнообразие подходов, можно выделить моменты, объединяющие все указанные в рамках психологической концепции определения:

- вина - это психическое отношение лица к определенным объективным явлениям;
- это психическое отношение не только к явлениям, но и к их последствиям;
- лицо осознает общественную вредность или общественную опасность своих деяний и их последствий.

Попытка авторов проекта УК 1996 г. дать законодательное понятие вины в соответствии с психологической концепцией завершилась неудачей. Ими было предложено следующее определение вины: «Вина - это сознательно-волевое психическое состояние лица, совершившего преступление, выраженное в форме умысла или неосторожности». Из данного определения не совсем понятно, к чему относится фраза «выраженное в форме умысла и неосторожности»: к субъекту или к преступлению. Кроме того, данное авторами проекта определение не дает правоприменителю никаких преимуществ по сравнению с традиционным определением. Поэтому в процессе работы над проектом был восстановлен первоначальный текст, достаточный для целей уголовно-правового регулирования.

Термин «психическое отношение» в современных исследованиях по психологии практически не используется. Этот термин отличается неопределенностью: неясно, имеется ли в виду лишь последующая оценка субъектом совершенного поступка или то, что он его сознательно осуществил. В уголовно-правовом определении вины вина раскрывается как умысел и неосторожность, а умысел и неосторожность, в свою очередь, характеризуются как внутреннее отношение лица к деянию и его последствиям.

В науке гражданского права психологический подход к понятию вины небезосновательно критикуют по следующим основаниям.

В процессе применения норм гражданского права правоприменители не исследуют вопрос о психическом отношении лица к деянию, а вопрос о степени вины, если и исследуется, не может кардинально повлиять на исход дела[8; С.56].

Правонарушения совершаются не только физическими, но и юридическими лицами. Говорить о психическом отношении лица к совершенному деянию не представляется возможным. Невозможно обнаружить у юридического лица сознание и волю.

1.2. Анализ представлений о понятии вины и виновности

На сегодняшний день нормативная концепция вины для выработки общеправового понятия вины бесполезна. Она не способствует устранению имеющихся в законодательстве противоречий, хотя по мере изучения вопросов субъективной стороны преступления создается впечатление, что авторы уголовного закона придерживались разных позиций, и поэтому логики и системности решения ее проблем в УК РФ не наблюдается.

Теория опасного состояния. Понятие опасного состояния впервые было сформулировано итальянским криминологом Р. Гарофало в книге «Критерии опасного состояния». Опасное состояние понималось им как перманентная (постоянная) и имманентная (внутренне присущая) человеку склонность к совершению преступлений[11; С.67].

С.В. Познышев понимал под виной такое настроение субъекта, при котором он осознает или имеет возможность осознавать, что действует преступно и находится

в таких обстоятельствах, что мог бы удержаться от преступного поведения, если бы у него не были недоразвиты противодействующие этому чувства и представления (в силу личностных особенностей)[17; С.78].

Вина, таким образом, складывается из двух элементов: положительного (определенное психическое настроение, вызывающее совершение преступного действия) и отрицательного (неспособность субъекта подавить это настроение, хотя по обстоятельствам дела это было возможно).

В качестве основного недостатка данной теории можно отметить, что вместо установления объективных обстоятельств дела, вместо требования установления хотя бы умысла и неосторожности как определенного психического отношения к содеянному, суду следует лишь объявить доказанным наличие у любого подсудимого преступного или виновного настроения, что открывает возможность неограниченного судебского произвола.

Вина лица за совершенное деяние подменяется опасностью личности как таковой, а само деяние воспринимается как внешнее проявление (один из симптомов) опасного состояния.

Идеологами национал-социализма в Германии высказывались предложения построить всю систему уголовного права на основе особенностей личности преступника. В частности, в работах Вольфа, Мецгера, Зауэра и других немецких криминалистов содержится идея замены необходимости установления вины «типами» преступников [24; С.78].

Действительно, различные аспекты характеристики личности правонарушителя могут влиять на степень его вины в совершенном правонарушении. Так, нельзя ставить знак равенства между преступником, впервые совершившим кражу, и тем, кто занимается хищениями профессионально. Сказанное, однако, не означает безусловной виновности в совершении правонарушения ранее судимого (то есть потенциально опасного) лица.

Оценочная концепция вины. Представления юристов об оценочной концепции вины можно разделить на две группы.

Первые оценочную концепцию вины рассматривают как оценку судом всех субъективных и объективных обстоятельств, связанных с преступлением.

Так, по мнению Б.С. Утевского, вина как основание уголовной ответственности должна включать следующие элементы:

- наличие совокупности субъективных и объективных обстоятельств, характеризующих подсудимого, совершенное им преступление, последствия, условия и мотивы совершения им преступления;
- отрицательную общественную (морально-политическую) оценку от имени социалистического государства всех этих обстоятельств;
- убеждение советского суда, что действия подсудимого на основании этой оценки должны повлечь за собой уголовную, а не какую-либо иную (административную, дисциплинарную, гражданскую) его ответственность[24; С.89].

Другие под виной понимают морально-политическую оценку поведения правонарушителя с точки зрения классовых позиций.

Б.С. Маньковский подвергает критике определение вины как психического отношения лица к своим действиям и указывает, что субъективный подход к понятию вины является отражением буржуазного влияния в советском уголовном праве. Автор доказывает, что одного только психического отношения лица к своим действиям и их результатам недостаточно для признания виновности подсудимого. Вина имеется только тогда, когда, с точки зрения социалистического закона, поведение лица заслуживает осуждения. Оценка судом внутренних мотивов поведения субъекта является одним из конститутивных признаков понятия вины [12;С.131].

Психологическая концепция вины. В современном отечественном уголовном праве психологическая концепция вины правонарушителя является господствующей. Однако ученые, ее придерживающиеся, также не едины в подходах к определению понятия вины

Разнообразие взглядов ученых-юристов на понятие вины связано, по-видимому, с тем, что в современной психологической науке также нет единого мнения относительно психологической природы чувства вины.

О.Д. Ситковская определял вину через ее формы, как «умысел и неосторожность, выраженные в совершенном лицом преступлении»[21; С.67].

А.И. Рарог определяет вину как «психическое отношение лица в форме умысла и неосторожности к совершаемому им общественно-опасному деянию, в котором

проявляется антисоциальная, асоциальная либо недостаточно выраженная социальная установка этого лица относительно важнейших социальных ценностей»[19; С.78].

Нередко понятие вины дается через одну из ее форм или даже вид. Так, А.Ф. Черданцев пишет, что «вина - это психическое отношение субъекта к своим действиям и последствиям, выражающееся в осознании, предвидении, желании наступления вредных последствий»[25; С.89].

Интеллектуальный компонент содержания вины в приведенном определении складывается лишь из осознания лицом вредных последствий своих действий. Таким образом, получается, что субъект не осознает значения и характера, совершаемых им действий, что в принципе не позволяет говорить о вине и юридической ответственности.

Ряд авторов определяют вину как отношение к уже совершенному общественно опасному деянию и его последствиям (или к совершенному противоправному деянию). Данная позиция представляется ошибочной, так как юридическое значение имеет лишь отношение лица к своему деянию в момент его совершения, а из данного определения следует, что субъект начал осознавать свои действия лишь после их совершения, а желать наступления определенных последствий - лишь после их наступления, что также лишает нас возможности говорить о виновности и о возможности наступления юридической ответственности. Поэтому правильнее говорить об отношении лица к совершаемому им деянию.

Кроме того, в науке нерешенным остается вопрос о допустимости применения понятия «общественная опасность», которое появилось в отечественной науке уголовного права после принятия УК РСФСР 1922 г. и использовалось при описании форм вины. Введение этого понятия в законодательство обусловлено стремлением сделать возможным привлечение любого неугодного лица к ответственности.

Общественные отношения, как известно, регулируются, кроме права, и другими социальными нормами (нормами морали, обычаяв, религиозными нормами). Несоблюдение социальных норм является, в принципе, общественно опасным поведением, так как обществу и его ценностям наносится определенный вред. Если рассматривать общественную опасность настолько широко, то любое деяние, нарушающее социальные нормы, но не нарушающее правовые нормы, можно посчитать общественно опасным.

С другой стороны, распространена точка зрения, что признаком общественной опасности обладают лишь деяния, запрещенные уголовным законом под угрозой наказания (преступления являются общественно опасными, так как посягают на самые значимые интересы общества). Этого нельзя сказать о гражданских, административных правонарушениях, применительно к которым чаще говорят об их общественной вредности.

Если использовать понятие «общественная опасность» в узком смысле, включение его в понятие вины делает приведенное выше определение исключительно отраслевым, лишает возможности его использования во всех других отраслях права, кроме уголовного. Логичнее будет говорить об общественной вредности деяния.

Современные цивилисты (М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, Е.А. Суханов) считают, что в гражданском праве индивидуальные качества и психическое отношение лица к совершенному правонарушению не играют никакой роли для оценки вины должника. Поэтому для установления вины используется общая модель ожидаемого поведения в той или иной ситуации разумного и добросовестного участника имущественных отношений.

Несмотря на отмеченные противоречия, в последние годы психологическая концепция вины в науке практически полностью заменила оценочную, но нельзя забывать о том, что вина - оценочная категория. Так как психические процессы происходят лишь в сознании лица, совершающего правонарушение, они в принципе не наблюдаемы и неизмеримы. Поэтому доказывание признаков субъективной стороны конкретного правонарушения основывается на исследовании объективных данных, полученных в ходе собирания и исследования доказательств по делу. Оценка доказательств осуществляется правоприменительным органом: следователем, судом, и зависит от конкретного лица, ее осуществляющего. Психологическую и оценочную концепции вины не следует, по нашему мнению, рассматривать как противоположные друг другу.

Таким образом, можно дать следующее общеправовое понятие вины: вина - это психическое отношение лица к совершаемому им противоправному общественно-вредному деянию и его последствиям, в котором проявляется отрицательное субъективное отношение лица к ценностям общества и которому государством дана соответствующая объективная оценка с учетом всех обстоятельств совершения деяния.

Глава 2. Проблемы вины и виновности в уголовном праве

2.1. Принципы, характеризующие вину и виновность в уголовном праве

Для древнейшего права абсолютно нехарактерным был принцип вины и, следовательно, к «уголовной ответственности» наряду с фактическими виновниками привлекались неменяемые, животные и даже неодушевлённые предметы. Для отечественного уголовного права первых лет советской власти в качестве одного из основных начал выступал принцип целесообразности уголовной репрессии, в соответствии с которым уголовной ответственности подлежали не только «юридические» преступники, но и все те, чьё социальное положение, взгляды, идеи были противны советскому строю.

Согласно принципу вины, лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. В ч. 2 ст. 5 УК РФ этот принцип более конкретизирован: объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается. Таким образом, принцип вины является основополагающим в части формирования оснований уголовной ответственности.

Принцип справедливости в уголовном праве отражен следующим образом: наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Практическая значимость данного принципа проявляется, в частности, в том, что назначение несправедливого наказания (как вследствие его чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости такового) является основанием отмены или изменения приговора суда (п. 4 ч. 1 ст. 369 Уголовно-процессуального кодекса России)[2].

Принцип гуманизма, с точки зрения законодателя, определяет две важнейшие задачи уголовного права: обеспечение безопасности правопослушных граждан (уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека - ч. 1 ст. 7 УК РФ) и обеспечение безопасности преступника (наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства - ч. 2 ст. 7 УК РФ)[3].

Вместе с тем, современную систему уголовно-правовых принципов нельзя назвать полностью завершённой. Здесь можно выделить (и выделяют) «нетрадиционные» (нетипичные) принципы уголовного права. Другое дело - есть ли смысл их законодательного отражения, как, например, это сделано в отношении принципов законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости и гуманизма. В этой части дискуссия возможна.

Среди «нетипичных» принципов уголовного права можно назвать принципы «презумпции виновности» (не путать с презумпцией невиновности), «объективного вменения» и «диспозитивности».

Следователь возбуждает уголовное дело, потому, что предполагает наличие факта совершения преступления. И если презумпция невиновности относится к правовому статусу лица (невозможность применения к нему уголовно-правовых репрессивных мер при отсутствии обвинительного приговора суда), то идея (презумпция) о виновности конкретного человека (либо о наличии факта совершения конкретного преступления) является своеобразным «толчком» к уголовно-обвинительной деятельности правоприменительных органов. Из сказанного вытекает, что принцип «презумпции виновности» в большей степени имеет процессуальный характер, ибо определяет деятельность следственных аппаратов[14; С.89].

Но нет, первичная природа данного принципа проявляется в материальном (объективном) характере уголовного права как такового. Если совершено преступление, оно является таковым изначально, независимо от того, стало о нем известно правоприменительным органам и понес ли виновный уголовную ответственность за преступное деяние. Именно факт совершения преступления (как основание уголовной ответственности) обуславливает возникновение охранительных уголовно-правовых отношений, реализация которых осуществляется посредством процессуальной деятельности органов расследования.

Таким образом, принцип «презумпции виновности» обусловлен объективным (материальным) характером уголовного права и, следовательно, можно говорить о наличии данного принципа в системе отправных идей уголовного права.

2.2. Формы вины в уголовном праве

Исследованию проблем форм и видов вины посвящено достаточно много научных публикаций. Общеизвестно, что по конструкции объективной стороны, т.е. по способу законодательного описания вины, составы преступлений подразделяются на:

-материальные;

-формальные.

Материальными называются такие составы преступлений, в объективную сторону которых включены в качестве обязательных признаков не только деяния, но и их общественно опасные последствия. Последствия могут быть прямо указаны в диспозиции статьи (например, тяжкий вред здоровью, имущественный ущерб, существенный вред, значительный ущерб и т.д.).

Объективная сторона преступления, имеющего материальный состав, характеризуется тремя обязательными признаками:

- противоправное деяние (действие или бездействие);
- общественно опасные последствия;
- причинная связь между противоправным деянием и наступившими общественно опасными последствиями.

Все преступления, имеющие материальный состав, признаются оконченными с момента наступления последствий.

Согласно ч. 1 ст. 24 УК РФ виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние:

-умышленно;

-по неосторожности [3].

Две формы вины образуются путем различного рода сочетаний элементов сознания и воли лица, совершающего общественно опасное деяние, и характеризуют его отношение к деянию и наступившим общественно опасным последствиям.

Умысел - наиболее распространенная форма вины. В ч. 1 ст. 25 УК РФ указано, что преступлением, совершенным умышленно, признается деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом. Тем самым умысел подразделяется на:

-прямой;

-косвенный.

Согласно ч. 2 ст. 25 УК РФ преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо:

-осознавало общественную опасность своих действий (бездействия);

-предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий;

-желало их наступления[3].

Согласно ч. 3 ст. 25 УК РФ преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо:

-осознавало общественную опасность своих действий (бездействия),

-предвидело возможность наступления общественно опасных последствий,

-не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично[3].

Предвидение общественно опасного характера последствий своих действий является общим элементом для обоих видов умысла. Предвидение - это представление виновного о том вреде, который может причинить его общественно опасное деяние общественным отношениям, охраняемым уголовным законом.

Поэтому, например, умысел на убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) имеется не только тогда, когда убийца стреляет своей жертве в голову, предвидя неизбежность наступления смерти, но и тогда, когда он производит выстрел с целью лишить жизни человека в условиях, при которых гибель жертвы была лишь возможна[3].

Предвидение общественно опасных последствий своих действий при косвенном умысле может выражаться только в предвидении возможности наступления общественно опасных последствий.

Волевой элемент прямого умысла определен в законе как желание наступления общественно опасных последствий.

Волевой элемент косвенного умысла определен в законе как нежелание наступления общественно опасных последствий, но сознательное их допущение или безразличное отношение к их наступлению.

Сознательное допущение означает, что виновный своими действиями осознанно допускает развитие причинно-следственной связи, приводящей к наступлению общественно опасных последствий.

При безразличном отношении лица к наступлению общественно опасных последствий лицо, причиняя вред общественным отношениям, как правило, не задумывается над конечным результатом своего деяния, хотя возможность их причинения представляется ему реальной. Например, для того чтобы уничтожить чужое имущество (ст. 167 УК РФ), лицо поджигает дом, зная при этом о наличии в нем людей. Лицо сознает, что в результате поджога эти люди могут погибнуть, но их гибель лицом допускается, хотя этой цели оно перед собой не ставило [20; С.35].

Формальными называются такие составы преступлений, объективная сторона которых характеризуется с помощью только одного обязательного признака - деяния (действия или бездействия). Такие преступления считаются оконченными с момента совершения деяния, и наступление последствий для квалификации преступления не требуется. Хотя последствия, если они наступили, учитываются при назначении наказания. К таким преступлениям, по нашему мнению, например, относятся: ст. 125 «Оставление в опасности», ст. 163 «Вымогательство» УК РФ и ряд др.

Вместе с тем многие авторы, в том числе даже учебников и комментариев к Уголовному кодексу Российской Федерации, указывают, что такие преступления совершаются с прямым умыслом. Так, например, комментируя ст. 125 УК РФ, авторы указывают, что «...субъективная сторона - прямой умысел по отношению к действию и неосторожность к наступившим последствиям» [3; С. 199], комментируя ст. 163, отмечают, что «...субъективная сторона характеризуется прямым умыслом» [3; С. 267]. Авторы учебника указывают, исследуя ст. 125 и 163 УК РФ, что «...субъективная сторона преступления характеризуется прямым

умыслом» [4; С. 321, 397].

Однако преступления, предусмотренные ст. 125 и ч. 1 ст. 163 УК РФ с формальным составом, наступления последствий не предусматривают, умыслом охватывается только деяние. Поэтому говорить о прямом или косвенном умысле, исследуя преступления с формальным составом, просто некорректно, тем более, что сами авторы утверждают, рассматривая ст. 163 УК РФ, что «...виновный сознает, что путем угрозы применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно угрозы распространения позорящих или иных сведений требует передачи чужого имущества, права на него или совершения в его пользу действий имущественного характера и желает с помощью такой угрозы принудить потерпевшего к выполнению его требования» [4; С. 397].

Мы видим, что желание в данном случае (стремление заставить потерпевшего выполнить требования виновного) относится не к последствиям, а к своим действиям.

В преступлениях с формальным составом говорить о прямом или косвенном умысле будет неправильно, т.к. в данных составах преступлений наступление общественно опасных последствий не предусмотрено, поэтому и предвидение их наступления, а также желание или сознательный их допуск или безразличное к ним отношение вообще абсурдны.

Аналогичное положение и с неосторожной формой вины в виде легкомыслия или небрежности.

В ч. 1 ст. 26 УК указано, что преступлением, совершенным по неосторожности, признается деяние, совершенное по легкомыслию или небрежности. Тем самым законодателем неосторожная форма вины подразделяется на:

- легкомыслие:

- небрежность.

Таким образом, подводя итог проведенным исследованиям, можно сделать вывод, что в преступлениях с формальным составом вина может быть только умышленной и неосторожной без подразделения их на виды (прямой умысел и косвенный умысел, легкомыслие и небрежность). Проведенное исследование показывает, что в Уголовном кодексе Российской Федерации целесообразно ввести ст. 26-1 «Вина в преступлении, несвязанном с наступлением последствий», в ч. 1 ст. 24 УК РФ

заменить слово «признается» на «может быть признано», добавить после слова «совершившее» слова «общественно опасное».

2.3. Проблемы реализации вины и виновности

Степень вины определяется не только формой вины, но и иными особенностями сознательно волевой деятельности лица в процессе совершения преступления: видом виновного отношения, целями, мотивами, особенностями содержания объективной стороны, отразившимися в содеянном, и требующими соответствующего учета правоприменителем.

Учет характера и степени виновного отношения субъекта позволит избежать ошибок в случаях фактического несоответствия (расхождения) объективной и субъективной стороны деяния. Исходя из сущности принципа вины, предпочтение должно отдаваться субъективной стороне. Это положение в целом является общепризнанным в уголовном праве, однако реализуется не всегда последовательно. Так, в умышленных преступлениях лицо должно осознавать общественную опасность деяния (ст. 25 УК РФ), поэтому в сознании должны отразиться совершаемое им действие или бездействие, а также иные обстоятельства его совершения, то есть все предусмотренные законом признаки объективной стороны преступления. Осознание объективных обстоятельств может проявляться в уверенности их наличия (знании) либо в одобрительном допущении их наличия (предположении). Если какое-то объективное обстоятельство умышленного преступления не осознается субъектом, то учитывать его при оценке содеянного нельзя. Классическим является случай разграничения кражи и грабежа, когда посторонние лица осознают характер происходящего, однако виновный полагает, что действует тайно. Пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 29 от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указывает, что в тех случаях, когда собственник или иной владелец имущества видели, что совершается хищение, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно, содеянное является тайным хищением чужого имущества. Аналогичное требование, направленное на реализацию принципа вины, содержится в п. 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 1 февраля 2011 г. «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» где указывается, что «необходимо устанавливать, осознавал ли взрослый, что своими

действиями вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий. Если взрослый не осознавал этого, то он не может привлекаться к ответственности по статьям 150 и 151 УК РФ». Полагаем, что иное решение будет свидетельствовать о нарушении принципа вины.

Требование осознания общественной опасности деяния необходимо учитывать не только при оценке преступления по признакам основного состава, но и при вменении квалифицирующих обстоятельств. Поэтому при совершении умышленных преступлений квалифицирующие признаки состава, не относящиеся к общественно опасным последствиям (в разных составах преступлений отношение к последствиям может различаться), вменяются лицу лишь в том случае, если оно знало о них или допускало. Показательными в этом плане являются изменения законодательства направленные на усиление борьбы с преступлениями, совершаемыми в отношении несовершеннолетних. Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» исключил из «а» ч. 3 и «б» ч. 4 ст. 131 и 132 УК РФ указание на «заведомый» характер их совершения, что требовало при квалификации достоверного знания о возрасте потерпевших. Пленум Верховного Суда РФ внес соответствующие изменения в п. 14 постановления от 15 июня 2004 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации»: «Применяя закон об уголовной ответственности за совершение изнасилования или насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних либо лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, судам следует исходить из того, что квалификация преступлений по этим признакам возможна лишь в случаях, когда виновное лицо знало или допускало, что потерпевшим является лицо, не достигшее соответственно восемнадцати либо четырнадцати лет». Поэтому, если виновный не знает о наличии данных обстоятельств или не допускает их наличия, хотя реально они существуют, преступление должно квалифицироваться как совершенное без соответствующего квалифицирующего обстоятельства.

Если виновный субъект исходит из предположения о существовании соответствующего квалифицирующего обстоятельства, то есть стремится причинить вред в большем объеме, по нашему мнению, деяние следует оценивать по правилам ст. 30 УК РФ в качестве покушения на преступление с учетом данного дополнительного обстоятельства. Нарушение этого требования

усматривается в постановлении Президиума Верховного Суда РФ по делу Кайсина.

Установлено, что после того как потерпевшая К. сообщила Кайсину о своей беременности и потребовала деньги, последний ударил потерпевшую бутылкой по голове и несколько раз ногой по лицу. Когда потерпевшая потеряла сознание, Кайсин накинул потерпевшей на шею петлю и привязал к ручке створки печи. В результате механической асфиксии потерпевшая скончалась на месте происшествия. Суд первой инстанции квалифицировал эти действия Кайсина по ч.3ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Следовало исключить не указание на ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а указание на ч. 1 ст. 105 УК РФ. Как справедливо указывает А.И. Рарог, в таком случае при квалификации «допускается юридическая фикция: фактически оконченное преступление квалифицируется как покушение. Эта фикция оправдана тем, что хотя общественно опасное последствие и наступило, но все же в реальной действительности оно не сопровождалось тем квалифицирующим обстоятельством, которое охватывалось сознанием виновного и которое в соответствии с направленностью умысла обосновывает усиление ответственности»[19; С.89]. Важным является и то, что оценка деяния в качестве покушения не повлечет нарушение принципа справедливости, на что ссылаются некоторые авторы, так как пределы наказания по ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ будут строже, чем по ч. 1 ст. 105 УК РФ. При назначении наказания это позволит учесть фактическое наступление последствий.

В случае, если виновное лицо лишь допускало существование объективного обстоятельства, которое в действительности отсутствовало, то есть не стремилось к причинению дополнительного вреда, содеянное нельзя признавать покушением на преступление. Квалифицировать необходимо в зависимости от фактически наступивших последствий.

Недопустимым нарушением принципа вины следует признавать и обратную ситуацию, когда при итоговой квалификации учитываются лишь намерения субъекта, объективно не причинившего качественно или количественно необходимого вреда, предусмотренного уголовным законом. В этой связи следует критически оценить некоторые положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Так, п. 10 названного акта разъясняется: «Если взяткодатель (посредник) намеревался (выделено нами - В.П.) передать, а должностное лицо - получить взятку в значительном или крупном либо в особо

крупном размере, однако фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не образовало указанный размер, содеянное надлежит квалифицировать как оконченные дачу либо получение взятки или посредничество во взяточничестве соответственно в значительном, крупном или особо крупном размере». В силу того, что фактически, установленный законом вред не причиняется, по нашему мнению, содеянное образует покушение на преступление. Не соответствуют требованиям уголовного закона и положения п. 13 названного постановления, где говорится, что «Получение или дача взятки, ... если указанные действия осуществлялись в условиях оперативно-розыскного мероприятия, должны квалифицироваться как оконченное преступление вне зависимости от того, были ли ценности изъяты сразу после их принятия должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации». Проведение законного оперативно-розыскного мероприятия влечет за собой изъятие предмета преступления, что исключает причинение вреда его объекту, соответственно при квалификации также необходимо ссылаться на ч. 3 ст. 30 УК РФ.

В уголовном праве антиподом виновного вменения признается объективное вменение. В соответствии с ч. 2 ст. 5 УК РФ объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда не допускается. Однако, как показало исследование, это положение закона также находит неоднозначное толкование и применение на практике. Объективное вменение усматривается в неправильном установлении субъективной стороны преступления на основе фактических обстоятельств дела, а также в установлении виновного отношения к содеянному при отсутствии такового (невиновное причинение вреда).

Распространенным случаем признания объективного вменения является учет при оценке деяния фактических обстоятельств, которые не были доказаны в ходе судебного разбирательства. Так, в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Нижегородского областного суда указывается: «приговор по делу о выращивании запрещенных к возделыванию растений, а также о культивировании сортов конопли, содержащих наркотические вещества, изменен в части переквалификации действий осужденного с ч. 1 ст. 30, п. "б" ч. 2 ст. 228.1 УК РФ на ч. 1 ст. 228 УК РФ, так как вывод суда о том, что осужденный осуществлял приготовления к сбыту наркотического средства, является объективным вменением, предположением, которое не может быть положено в основу приговора[27]. По другому делу: «Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Башкортостан пришла к выводу, что, суд не установив

(выделено нами - В.П.), кто, когда и при каких обстоятельствах изготавливал указанное выше количество наркотического средства, допустил объективное вменение в отношении Самойлова, что в соответствии со ст. 5 ч. 2 УК РФ не допускается»[28]. Полагаем, что в подобных ситуациях речь идет не о нарушении принципа вины, связанного с надлежащим установлением субъективного отношения к содеянному, а о нарушении принципов всестороннего и полного судебного разбирательства, а также презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), которое выразилось в предположении о существовании недоказанного в суде факта произошедшего события.

Интересными представляются и иные случаи упоминания в судебных актах положения об объективном вменении. Так, решая вопрос об условно-досрочном освобождении, Судебная коллегия по уголовным делам суда Ямало-Ненецкого автономного округа указала: «Доводы кассационной жалобы не основаны на правильном восприятии механизма правового регулирования проверки и оценки доказательств по уголовному делу частного обвинения, а также не основаны на принципах уголовного судопроизводства - равноправие сторон, состязательность, объективное вменение (объективная истина)»[29]. Очевидно, что в данном случае также объективное вменение понимается в ином, отличном от положений ст. 5 УК РФ смысле, как необходимый этап уголовно-процессуальной деятельности, связанный с установлением обстоятельств, подлежащих доказыванию, а именно события преступления, времени, места, способа и других обстоятельств совершения преступления (ст. 73 УПК РФ).

Не смотря на прямой запрет объективного вменения, в доктрине уголовного права высказывается точка зрения о допустимости и даже необходимости этого явления. А.П. Козлов указывает, что несоответствие отдельных положений УК РФ складывающейся правоприменительной практике и ее формирование на основе целесообразности, а не законности, позволяет сделать вывод о реальном существовании объективного вменения, что противоречит принципу виновной ответственности (ст. 5 УК)[8; С.67]. Однако данный автор допускает возможность объективного вменения, оправдывая эту идею необходимостью реализации некоторых задач уголовного права на основе требования целесообразности. Он пишет: «Несмотря на выход его за рамки принципа законности, тем не менее, объективное вменение выполняет важную роль в уголовно-правовом регулировании. У законодателя нет реальной возможности решить все вопросы уголовно-правового характера, основываясь исключительно на принципе субъективного вменения»[8; С.78]. К сожалению, данную позицию поддержали и

другие исследователи.

Не вносит ясности в понимание недопустимого объективного вменения действующая законодательная его регламентация в ч. 2 ст. 5 УК РФ. Данная норма объективным вменением буквально признает ситуацию привлечения к ответственности при отсутствии виновного отношения. Однако, во-первых, вывод о недопустимости такового логически вытекает из ч. 1 ст. 5 УК, которая допускает привлечение к уголовной ответственности только при наличии вины, а также иных норм - ст. 8, 14, 24 УК РФ, что следует признать избыточностью законодательства[3]. Во-вторых, зачастую объективное вменение проявляется на более раннем этапе, как вывод о виновности при установленном факте причинения лицом вреда. В-третьих, как было показано выше, привлечение к ответственности при отсутствии вины, это лишь один из немногих, «крайний» вариант его проявления.

Таким образом, можно сделать несколько выводов. Определение недопустимого объективного вменения в ч. 2 ст. 5 УК РФ не отражает всего многообразия этого явления, а сама дефиниция представляет собой проявление избыточности законодательства, так как прямо следует из принципа вины (ч. 1 ст. 5 УК РФ) и других положений уголовного закона. Требует корректировки и сам принцип вины, закрепленный в ч. 1 ст. 5 УК РФ, так как в действующей редакции он не отражает необходимости учета качественной и количественной характеристики отрицательного отношения лица, выраженного в совершении конкретного преступления[3]. Это повлекло за собой неоднозначное толкование положений ст. 5 УК РФ на практике, а также необоснованный вывод о существовании допустимого объективного вменения.

Заключение

На сегодняшний день нормативная концепция вины для выработки общеправового понятия вины бесполезна. Она не способствует устранению имеющихся в законодательстве противоречий, хотя по мере изучения вопросов субъективной стороны преступления создается впечатление, что авторы уголовного закона придерживались разных позиций, и поэтому логики и системности решения ее проблем в УК РФ не наблюдается.

Было дано следующее общеправовое понятие вины: вина - это психическое отношение лица к совершаемому им противоправному общественно-вредному деянию и его последствиям, в котором проявляется отрицательное субъективное отношение лица к ценностям общества и которому государством дана соответствующая объективная оценка с учетом всех обстоятельств совершения деяния.

Для отечественного уголовного права первых лет советской власти в качестве одного из основных начал выступал принцип целесообразности уголовной репрессии, в соответствии с которым уголовной ответственности подлежали не только «юридические» преступники, но и все те, чье социальное положение, взгляды, идеи были противны советскому строю.

В преступлениях с формальным составом вина может быть только умышленной и неосторожной без подразделения их на виды (прямой умысел и косвенный умысел, легкомыслие и небрежность). Проведенное исследование показывает, что в Уголовном кодексе Российской Федерации целесообразно ввести ст. 26-1 «Вина в преступлении, не связанном с наступлением последствий», в ч. 1 ст. 24 УК РФ заменить слово «признается» на «может быть признано», добавить после слова «совершившее» слова «общественно опасное».

Степень вины определяется не только формой вины, но и иными особенностями сознательно волевой деятельности лица в процессе совершения преступления: видом виновного отношения, целями, мотивами, особенностями содержания объективной стороны, отразившимися в содеянном, и требующими соответствующего учета правоприменителем.

Таким образом, можно сделать несколько выводов. Определение недопустимого объективного вменения в ч. 2 ст. 5 УК РФ не отражает всего многообразия этого явления, а сама дефиниция представляет собой проявление избыточности законодательства, так как прямо следует из принципа вины (ч. 1 ст. 5 УК РФ) и других положений уголовного закона.

Список использованной литературы

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к

Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)// Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, N 31, ст. 4398.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 30.03.2016)// "Парламентская газета", N 241-242, 22.12.2001,
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 13.07.2015, с изм. от 16.07.2015)// "Собрание законодательства РФ", 17.06.1996, N 25, ст. 2954,
4. Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 361п04пр // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1.
5. Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 420-П07. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 8.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В.И. Радченко. М.: Проспект, 2009.
7. Здравомыслов Б.В. Уголовное право: Общая часть/ под ред. Б.В. Здравомыслова, Ю.А. Красикова, А.И. Рарога. - М: Юристъ, 2014. - 134 с.
8. Козлов А. П. Понятие преступления. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2014. - 819 с.
9. Кузнецова Н. Ф., Тяжкова И. М. Курс уголовного права. Т.1. Общая часть. Учение о преступлении. - М.: Зерцало, 2014. - 592 с.
10. Лазарев В.В. Теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2014. - 145 с.
11. Лунеев В.В. Субъективное вменение. М.: Спарк, 2014. - 145 с.
12. Маньковский Б.С. Расовая теория уголовного права германского фашизма // Проблемы уголовной политики. Кн. 1. М.: ОГИЗ. 1935. С. 131-153.
13. Маркарян С. А. Значение субъективной стороны преступления в уголовном законодательстве РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 1.
14. Мустафаев М.Х. Субъективная сторона преступления как детерминант эффективности криминалистической методики // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 6.
15. Немчинов Е. В. Эволюция законодательного представления о понятии умысла // Молодой ученый. - 2014. - №12. - С. 215-217.
16. Пашенцев Д.А., Гарамита В.В. Вина в гражданском праве. М.: Юркомпания, 2014. - 134 с.
17. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права: Общая часть уголовного права. М.: Изд. А.А. Карцева, 1912. - 343 с.

18. Рарог А. И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практ. пособие. М.: ТК Велби, 2014.
19. Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2014. - 133 с.
20. Сатушиев А.Х. Актуальные проблемы концепции вины в уголовном праве и вопросы их преемственности // Юрист-Правоведъ, 2011. № 4. С. 35-40.
21. Ситковская О.Д. Уголовный кодекс РФ: психологический комментарий. - М.: ВолтерсКлувер, 2014. - 134 с.
22. Таганцев. Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. Т.1. - М., 2014. - 380 с.
23. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учебник / Под ред. А.И. Рарога. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби; Изд-во Проспект, 2008.
24. Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. М.: Госюриздат, 1950. - 145 с.
25. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М.: Юрайт, 2012. - 145 с.
26. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Калмыкия от 11 августа 2011 г. Дело № 22 - 360/111547 // Текст определения размещен на сайте справочно-правовой системы РосПравосудие (<https://rospravosudie.com>)
27. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Нижегородского областного суда от 16 марта 2010 г. № 22-1547 // Текст определения размещен на сайте справочно-правовой системы РосПравосудие (<https://rospravosudie.com>)
28. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 31 января 2012 г. 1547 // Текст определения размещен на сайте справочно-правовой системы РосПравосудие (<https://rospravosudie.com>)
29. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Ямало-Ненецкого автономного округа 24 марта 2011 года. Дело № 22-352/20111547 // Текст определения размещен на сайте справочно-правовой системы РосПравосудие(<https://rospravosudie.com>)